

A movie poster featuring a man and a woman on a ship's deck at sunset. The man, with dark hair and a beard, wears a dark suit over a white shirt. The woman has long, dark, curly hair and is wearing a white lace-trimmed dress. She is leaning her head against his hand, which is resting on her cheek. The background shows the ocean, a ship's railing, and a sunset sky with orange and blue hues. The title is in Russian, and the actor's name is at the top.

КАРИН ВААЛЬ

ДОБЫЧА
для

Миллиардера 2

Карин Вааль

Добыча для миллиардера 2

<https://litres.ru/74213123>

Аннотация

ПРОДОЛЖЕНИЕ!

Я проснулась одна в пустой постели, на пустом острове, с одним вопросом: он сбежал или...

...мёртв?

Но самое страшное впереди, потому что...

Меня саму похитили!

Я прихожу в себя в прозрачной сорочке, с металлической цепочкой между ног и красным огоньком на поясе, который мигает в такт моему сердцу.

Я — снова добыча.

Я — лот на чудовищных торгах.

Чтобы выбраться живой, мне придётся стать самой опасной хищницей в этой игре.

Первая книга с началом истории Даши и Виктора по ссылке:

НОВИНКА! «Мой грешник»:

Содержание

Глава 1. Пустая постель	4
Глава 2. Прощай, Виктор!	9
Глава 3. Пробуждение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Пустая постель

Просыпаюсь оттого, что тишина слишком громкая.

Я всё ещё полусонная, тёплая, расслабленная — и уже тянусь к нему.

Рука скользит по постели слева. Подушка холодная. Простыня пустая. Но тело ещё не осознаёт — оно помнит его. Низ живота тянет тупым, сладким жаром, мышцы внутри сжимаются и пульсируют, как будто он всё ещё во мне.

Я закрываю глаза и провожу ладонью по животу вниз, медленно, с закрытыми глазами. Вспоминаю, как он входил в меня прошлой ночью — тяжело, глубоко, без спешки. Как стягивал с меня трусы зубами. Как говорил «не кончай, пока я не разрешу». Между ног влажно и горячо, я раздвигаю бёдра под простынёй, провожу пальцами — легко, круговыми движениями. Тело вздрагивает от удовольствия, я прикусываю губу, чтобы не застонать.

— Виктор... — шепчу я, всё ещё не открывая глаз. — Иди сюда.

Тишина.

Ни шагов. Ни его голоса. Ни тяжести его тела, которая должна была уже навалиться сверху, раздвинуть мои бёдра коленом, войти без прелюдий.

Пальцы замирают. Открываю глаза.

Простыня сбилась у моей талии, я лежу голая, с рукой

между ног, а он не смотрит на меня. Потому что его нет.

На секунду становится стыдно, хочется прикрыться — будто в этой абсолютно пустой комнате кто-то чужой наблюдает за мной.

Но тут же в голову лезут вопросы:

Где он? Вышел на веранду? Или ушёл завтракать?

Сажусь резко. Простыня падает, открывая грудь — на коже ещё видны следы его пальцев, красные полумесяцы там, где он сжимал меня слишком сильно. Внизу всё ещё пульсирует, но теперь уже не от удовольствия, а от пустоты.

— Виктор? — зову громче.

Никто не отвечает.

Спрыгиваю с кровати. Босая, ноги касаются холодного пола, и это отрезвляет.

Иду в ванную — мельком вижу себя в зеркале: растрёпанные волосы, следы поцелуев на шее, на ключицах, на груди. На внутренней стороне бедра — фиолетовый отпечаток его пальцев.

Натягиваю джинсы на голое тело — ткань скользит по бёдрам, по ягодицам, и я чувствую каждое прикосновение плотной ткани к разгорячённой коже. Застёгиваю молнию — она заедает, я дёргаю резко, и металл царапает живот. Не больно. Противно.

Футболка пахнет им — его парфюмом, потом, сексом. Я на секунду прижимаю её к лицу, вдыхаю глубоко, замираю.

Голова кружится.

Натягиваю футболку через голову — ткань трется о грудь, о соски, и я вздрагиваю от этого случайного прикосновения.

Волосы собираю в пучок на ходу — несколько прядей выбиваются, щекочут шею, падают на лицо. Я не поправляю их.

Плывать.

Обхожу виллу быстро.

Гостиная — пустая. Его стакан на столе, лёд растаял, виски выдохся. Диван — помятая подушка, может, он сидел здесь ночью? Провожу по подушке ладонью — холодная. Ванная — его полотенце влажное, но не мокрое.

Его вещи на месте. Рубашки висят ровными рядами, обувь стоит на полках. Белая льняная рубашка, брюки, ботинки — всё здесь.

Телефон Виктора нахожу под креслом. Разряжен. Пробую включить — ноль. Трясу его, как будто это поможет.

Не помогает.

Это странно... Виктор никогда не расстается со своим телефоном.

Выхожу на улицу.

Дико хочется есть, но голод исчезает, как только я вижу их.

Следы на пирсе — тёмные полосы, как будто что-то тяжёлое тащили к воде.

Я опускаюсь на корточки, провожу пальцем по одной из полос. Пальцы пачкаются в чём-то липком, я вытираю их о

джинсы.

Бегу к главному зданию. Двери открыты, внутри темно. На кухне гудят холодильники, но свет выключен. В комнате охраны — мониторы мигают белым шумом, рация молчит, на столе недопитая чашка кофе. Я касаюсь кружки пальцем — холодная. Остыла давно.

Я к ангару. Гидросамолёта нет. Лодок нет. Ни одной моторки у причала! Только масляные пятна на бетоне и ветер, который гоняет песок.

Остров мёртвый.

Возвращаюсь на пирс.

Стою босиком на тёплом дереве, смотрю на воду — гладкую, бирюзовую, бесконечную. В груди — ярость. Горячая, как расплавленный свинец. Он что, сбежал?

А под яростью — страх. Он поднимается из живота, холодный и липкий, сжимает горло, мешает дышать. Что, если он не сбежал? Что, если его убили?

Вспоминаю его драку с Рашидом.

Чёрт!

Сердце колотится:

Что, если... я следующая!

Бегу обратно к вилле, достаю свой телефон из-под подушек. Работает!

Пальцы дрожат — я сжимаю их в кулак, разжимаю, снова сжимаю. Заставляю себя успокоиться. Набираю знакомый номер — единственный, который помню наизусть.

— Папа, — говорю коротко. — У меня проблема.

Любительниц жарких историй приглашаю в свой роман "Молчи, я тебя хочу".

Для тех, кто любит тёмные истории и харизматичных подонков ;)

<https://litnet.com/shrt/niuD>

Глава 2. Прощай, Виктор!

Отец прислал за мной гидросамолёт через четыре часа после звонка.

Я сидела на пирсе, болтая ногами над водой, и смотрела, как он садится — белый, маленький, похожий на чайку.

Странно было покидать этот остров без Виктора. Но и находиться тут без него, в полном одиночестве — невыносимо!

Пилот — молчаливый мужик с военной выправкой — кивает мне, помогает забраться. Не задаёт никаких вопросов. Его дело — забрать, не спрашивать.

Самолёт отрывается от воды, и я смотрю вниз, на остров, который становится всё меньше. Гладкая бирюзовая вода, белая полоска песка, зелёное пятно джунглей. Красиво. До тошноты.

Отворачиваюсь, пытаюсь заснуть. Но мысли кружат в голове, не дают расслабиться.

В город прилетаю после полудня.

Беру такси и называю адрес офиса. Внутри живёт маленькая надежда, что он просто сбежал.

И что? Поехал в офис?

Как глупо!

Но другого плана у меня пока нет.

Таксист бросает на меня короткий взгляд в зеркало заднего вида — видимо, видок у меня тот ещё. Растрёпанные

волосы, тёмные круги под глазами, одежда, в которой я провела почти сутки. Мне плевать.

В лифте кое-как поправляю волосы. Надо было заехать домой, но, если честно — я боялась. Потому что дома меня ждёт тишина, а с тишиной я сейчас не справлюсь. Да и в моей квартире слишком много мест, где мы могли бы быть вместе. Диван, где он мог бы сидеть с бокалом виски. Кровать, где он мог бы лежать рядом. Даже душ, куда он мог бы войти ко мне без стука.

Ресепшн горит мягким светом. Секретарша поднимает голову от монитора.

— Дарья Станиславовна? Вы... Вы не предупреждали.

— Виктор Сергеевич на месте? — спрашиваю без предисловий, даже не поздоровавшись.

Она моргает. Смотрит на меня так, будто я спросила, не видел ли кто динозавра — чем только выводит меня из себя ещё больше. И качает головой.

— Его нет уже больше недели. Вы разве не знаете? Он уехал в командировку. Сказал, что будет две-три недели. Карьерный тренинг. Я думала... вы тоже...

Я замираю, переваривая эту информацию.

— И не звонил? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нет, — губы секретарши трогает робкая улыбка. — Он никогда не звонит с... тренинга. Занят.

Я киваю. Поворачиваюсь, чтобы уйти — и сталкиваюсь с

Алиной. Она выходит из соседнего кабинета с папкой в руках, блондинистая, яркая, как всегда. Идеальный макияж, платье, которое стоит как моя месячная зарплата. Замечает меня, улыбается — но как-то странно, будто я застукала её на месте преступления.

— Ветрова, ты жива! — говорит она, чуть наклоняя голову. — А мы уж думали, ты там застряла с боссом навечно.

— Алина, — растягиваю губы в улыбке. — Как ты?

— Отлично, — она поправляет волосы, и я замечаю на её запястье новые часы. Дорогие. Очень. — Меня переводят. Сейчас... дела передаю.

Она говорит это так буднично, как будто речь идёт о смене кабинета.

Но я знаю. Мы все знаем. Это тот самый условный Дубай, о котором шептались в курилках. Или Сингапур. Или чёртов Лондон. Но суть одна.

Она получила своё. И теперь будет жить в другой стране, с другим контрактом, с другой жизнью.

А чего ей это стоило — на том острове, на песке, под чужими телами — об этом она никогда не расскажет.

— Поздравляю, — продолжаю улыбаться.

Алина пожимает плечами, улыбается загадочно — так, что хочется вцепиться ей в лицо и спросить: «Что ты знаешь? Что ты видела там, чего не видела я?»

— Удачи, Ветрова, — говорит она и уходит, цокая каблучками.

Через секунду я забываю про неё. У меня другие проблемы.

Выхожу из офиса, снова в такси — домой!

Сразу у подъезда сажусь в машину. Руль холодный, кожаная обивка скользит под ладонями. Я сижу и смотрю в лобовое стекло, на знакомую улицу, на людей, которые идут по своим делам и понятия не имеют, что я провела последние дни на острове, где мужчины охотятся на женщин, а женщины продают себя за контракты.

Звонит телефон. Отец!

— Даш, ты где? — голос спокойный, но я слышу в нём напряжение — ту самую нотку, которая появляется, когда он готовится к худшему.

Чёрт, я же не заехала к нему по прилёту, хотя он просил.

— В городе. Еду к тебе.

Он не спрашивает ни о чём. Он всегда знает, когда что-то не так.

— Жду.

Отец живёт в старом доме на окраине, в тихом районе, где даже ночью слышно, как лают собаки и скрипят старые сосны. Я паркуюсь у калитки, несколько секунд сижу, глядя на освещённые окна. Потом выдыхаю и захожу без звонка — двери открыты.

Отец сидит на кухне. Кружка кофе, пепельница полная. Он курит сигареты одну за другой — значит, волнуется.

— Рассказывай, — говорит, не поднимая головы. Голос

глухой, как у человека, который уже знает, что услышит что-то плохое, и просто ждёт, когда это случится.

Я сажусь напротив и рассказываю.

Про конверт. Про остров. Про охоту. Про то, как я вырубила Виктора и связала его. Про то, как он исчез на рассвете. Про пустой остров. Про следы на пирсе — тёмные полосы, похожие на следы крови, и я до сих пор не знаю, что это было. Замалчиваю только об одном — что спала с его боевым другом.

Потому что он не поймёт, разозлится... А сейчас мне нужно, чтобы он мне помог. Без лишних эмоций.

Отец молчит. Только дымит сигаретой, щурится, и желваки ходят ходуном.

— Значит, он сбежал, — говорит он наконец, и голос его звучит глухо, как выстрел через подушку. — Не думал, что Ковалёв — трус.

— Нет! — вырывается у меня быстрее, чем я успеваю подумать. — Ты что такое говоришь? Его вещи остались. И вообще... Что-то случилось!

Отец усмехается. Криво, зло.

— Дочка, ты не знаешь всего...

— Я знаю достаточно! — подсказываю, начинаю рыться в шкафах, наливаю себе крепкий кофе. — Я видела, как он защитил девушку! Ударил одного из гостей! Или это ничего не значит?

— Ты что, защищаешь его? Даша, он использовал тебя.

Ты — кусок мяса для него. Разменная монета. Ты думаешь, он забыл, чья ты дочь? Он хотел досадить мне. И прикрылся тобой.

Кофе обжигает нёбо — но это не так больно как то, что говорит отец.

Что? Как такое может быть? Виктор... использовал меня? Знал, что отец собирался послать к нему своих людей и...

— Ты его не знаешь, — говорю я неуверенно, лишь бы не признаваться самой себе, как жестоко я ошибалась, но голос дрожит. — Он... он другой. Он... он не мог. Ты бы знал, как он... — я замолкаю, потому что следующие слова застревают в горле.

Кружка летит в стену — разбивается на сотню осколков. Я не вздрагиваю. Привыкла.

— Другой?! — орёт отец. — Другой?! Я воевал с ним, Даша! Я знаю, на что он способен! Он зверь. Монстр. Чудовище. Он бросил тебя на этом грёбаном острове! И ты ещё смеешь говорить мне, что я его не знаю?!

Он тяжело дышит, опираясь руками о стол.

Я смотрю на отца и вижу не того, кто меня растил, а человека, которого предал лучший друг. И которому сейчас больно за меня. И от этого мне становится совсем паршиво.

В груди — горечь, злость, боль. За себя. За отца. За ту ночь, которую я не могу выкинуть из головы.

— Я ухожу, — говорю тихо.

— Давай, уходи, — бросает он мне вслед, садясь обратно

на стул. Он не смотрит на меня. Он смотрит в стену, на кофейные потёки. — Но запомни, дочь: я знаю его лучше тебя. И он не стоит твоих слёз.

Дверь хлопает. Я вылетаю на улицу, сажусь в машину.

И разрешаю себе заплакать.

Какая же я дура!

Какая же я дура, что поверила ему. Что дала себя связать. Что шептала его имя, когда он входил в меня, медленно, глубоко, так, что у меня темнело в глазах. Что сейчас, чёрт возьми, сижу в машине и хочу оказаться снова там, в той постели, где пахнет им — дорогим парфюмом, потом и сексом. Где его рука лежит на моей талии, тяжёлая и спокойная, а он говорит «Дашенька» таким голосом, от которого внутри всё переворачивается.

Поднимаю голову. Смотрю на себя в зеркало заднего вида — опухшие глаза, размазанная тушь, взгляд загнанного зверька. Я не красилась несколько дней, и выгляжу соответственно. Бледная, растрёпанная, с красными пятнами на щеках.

Он не мог сбежать.

Правда, не мог...

Но отец прав. Я знаю. Да и зачем ему врать? Я всегда доверяла отцу. И если сейчас он говорит, что Виктор — трус... значит, так и есть.

Вытираю лицо тыльной стороной ладони. Тушь размазывается ещё больше. Дурацкое зрелище.

Дома собираю вещи за пятнадцать минут. Джинсы, футболки, паспорт, карта, зарядка. Беру на всякий случай тёплую кофту — мало ли где приземлюсь. Больше ничего не нужно.

Аэропорт ночью — место между жизнями. Люди бегут куда-то, тащат чемоданы, обнимаются на прощание, пьют переслащенный кофе из пластиковых стаканчиков.

Я стою перед табло и смотрю на рейсы.

Лондон. Стамбул. Дубай. Бангкок.

Куда угодно, лишь бы подальше. Лишь бы там, где не будет его лица перед глазами. Не будет его запаха на подушке. Не будет вопроса, который разъедает меня изнутри: «Почему ты исчез?»

А работа? Работу я всегда найду. Да и бланк заявления на увольнение сохранён на рабочем столе.

— Ближайший рейс, — говорю девушке на стойке. — В один конец.

Она стучит по клавишам — молоденькая, с длинными наращенными ногтями, смотрит на меня с лёгким любопытством. Предлагает Дубай. Через два часа.

— Беру.

Карта проходит. Билет в руке.

Я выхожу на парковку, чтобы взять из машины рюкзак — я не сдавала багаж, не было времени, да и не хотелось стоять в очереди.

Поздно. Почти полночь. На парковке почти никого —

только редкие машины, тусклые фонари, ветер гоняет обёртки от сникерсов по асфальту.

Я открываю дверь своей машины, наклоняюсь, чтобы достать рюкзак с заднего сиденья.

И в этот момент меня хватают.

Рука зажимает рот — грубая, твёрдая, пахнет табаком и потом. Другая рука ломает мою руку за спину, я не успеваю даже закричать. Перед глазами мелькает что-то тёмное — мешок! Шершавая ткань прижимается к лицу, я задыхаюсь, дёргаюсь, брыкаюсь, пытаюсь укунить ладонь, вцепиться ногтями.

Бесполезно. Их двое, может, трое. А я одна.

Укол в шею — короткий, острый, как укус змеи. Я даже не вскрикиваю, только чувствую, как игла входит под кожу.

Тепло разливается по венам. Тёплое, тяжёлое, предательское. Я знаю этот препарат. Сама использовала его на Викторе.

Какая ирония.

Ноги подкашиваются. Я оседаю в чьи-то руки. Меня волокут куда-то — по асфальту, шаркая подошвами, потом — тишина. Двигатели. Гул.

Меня куда-то везут.

Я пытаюсь бороться, но тело не слушается. Глаза закрываются. Сознание плывёт, как бумажный кораблик по чёрной воде.

«Отец будет в ярости», — проскальзывает последняя

МЫСЛЬ.

Глава 3. Пробуждение

Сознание возвращается медленно.

Я не знаю, сколько времени прошло — час, день, неделя. Голова тяжёлая, чугунная, внутри всё плывёт, и первое, что я чувствую — это тошнота. Острая, она подкатывает к горлу.

Открываю глаза.

В комнате полумрак — мягкий, золотистый свет льётся откуда-то сверху, падает на белые стены, на дорожную мебель.

Я лежу на кровати с шёлковыми простынями, такими гладкими, что тело скользит по ним при каждом движении.

Пытаюсь сесть — и чувствую, что на мне что-то есть. Холодное. Металлическое. Оно касается кожи там, где не должно быть ничего, кроме тонкой ткани.

Опускаю взгляд.

На мне сорочка. Белая, шёлковая, тонкая, как паутина. Она едва прикрывает грудь — ткань лежит на сосках, но стоит мне шевельнуться, и она сползает, открывая их почти полностью. Бретельки тонкие, как нитки, они впиваются в плечи. Подол заканчивается где-то в середине бедра.

Я провожу рукой по бёдрам — трусов нет. Под сорочкой — только гладкая кожа и эта холодная чужая вещь, которая обнимает меня там, где я никогда не хотела чувствовать металл.

Опускаю руку ниже.

И нащупываю цепочку.

Тонкая, металлическая, из мелких звеньев, плотно прилегающих к коже. Она обхватывает мою талию и где-то на пояснице я чувствую пальцами маленький замочек у позвоночника. Оттуда цепочка уходит вниз, проходит между ягодицами.

Спереди цепочка поднимается к животу и заканчивается маленькой пластиной в форме треугольника по поясе.

Сбоку ещё одна небольшая пластина, а на ней — горит маленький красный огонёк. Мерцает. Как глаз зверя в темноте.

Меня прошибает пот.

Это похоже на пояс верности. Только не широкий и тяжёлый, как в средневековых фильмах, а тонкий, эротичный, почти невесомый на вид.

Но от этого не менее страшный.

Потому что я чувствую каждое звено. Каждое прикосновение металла к самому сокровенному месту.

— Что за... — шепчу я, голос хриплый, чужой.

Пытаюсь поддеть цепочку пальцами. Пробую сдвинуть пластину на животе — металл только сильнее впивается в кожу. Дёргаю — и чувствую, как звенья натягиваются между ног, проходя по влажной коже.

Бесполезно.

Сердце начинает биться быстрее. В голове — туман, мысли путаются, но одна становится чёткой, как удар ножа: я в

ловушке. И эта штука на мне — не для красоты.

Оставляю цепочку в покое. Потом разберусь. Сейчас главное — понять, где я.

Встаю с кровати — ноги дрожат, колени подгибаются, тошнота снова подкатывает к горлу. Приходится опереться на стену, согнуться пополам, переждать волну. Металлические звенья между ног натягиваются при каждом движении, трутся о кожу, напоминают о себе — холодные, чужие, пугающие. Во рту — привкус меди и чего-то горького.

Оглядываюсь.

Это не просто комната. Это каюта.

Дорогая мебель из тёмного дерева, шёлковые шторы на окнах — круглых, как иллюминаторы. На столике — ваза с фруктами, пластиковая бутылка воды. В углу — письменный стол. Ковёр под ногами — мягкий, пушистый, белый. Я босая, и мои ступни тонут в ворсе.

Яхта. Я на яхте?

Подхожу к окну — за толстым стеклом темнота. Только редкие огни вдалеке, но я не могу понять, берег это или другие суда.

И где мы вообще — в море, в океане, в порту?

Пытаюсь открыть иллюминатор. Ручка не поддаётся. Дёргаю сильнее — бесполезно. Стучу по стеклу кулаком — стекло толстое, даже не дрожит.

Иду к двери. Металлическая, массивная, без ручки с моей стороны. Только маленькая сенсорная панель сбоку. Во-

жу пальцем — никакой реакции. Стучу. Сначала тихо, потом громче. Уже колочу — кулаками, ладонями, плечом.

— Есть кто?! — кричу, и голос срывается. — Выпустите меня!

Тишина. Только гул двигателей где-то далеко — ровный, монотонный, как дыхание спящего зверя.

Закрываю глаза. Тошнота возвращается. Я сдерживаюсь, но ненадолго.

Бегу в ванную, падаю на колени перед унитазом, меня выворачивает.

После сижу на прохладном кафеле, тяжело дыша, лоб мокрый от пота. Провожу рукой между ног — цепочка на месте, горячая от моего тела, влажная. Пальцы скользят по металлу, по собственной коже, и я отдёргиваю руку, потому что прикосновение к себе под этим проклятым поясом кажется неправильным. Запретным.

— Что ты за чёртов урод, — бормочу себе под нос, подхожу к раковине.

Пью прямо из-под крана, жадно, захлёбываясь. Вода стекает по подбородку, по шее, на сорочку — ткань намокает, прилипает к груди, становится почти прозрачной.

В зеркале вижу себя — бледную, растрёпанную, с тёмными кругами под глазами. Сорочка облепила тело, и сквозь неё просвечивают соски — тёмные, заострившиеся от холода. Металлическая цепочка на талии блестит в свете лампы, красный огонёк мигает в такт моему сердцу.

Не может быть, чтобы это была я.

Я вижу не себя — а кого-то другого. Пленницу. Игрушку. Женщину, которую заковали в металл и шёлк.

Надо успокоиться. Паника — это смерть.

Возвращаюсь в каюту. Забираюсь на кровать с ногами, поджимаю колени к груди, обхватываю их руками. Сорочка задирается, открывая бёдра почти полностью. Красный огонёк пульсирует, и я считаю его удары — как секундомер, который отсчитывает время до чего-то неизбежного.

Сижу так, наверное, с полчаса. Или час. Время здесь течёт иначе.

И вдруг слышу щелчок.

Дверь открывается!

Я ожидаю увидеть кого угодно: Виктора, Рашида — любого из тех, кто был с нами на острове.

Но в мою каюту быстрым шагом входит...

Марина.

Та самая Марина, которая сама отдавалась мужикам. Которую душил Рашид — и которую спас Виктор.

Я уже хочу броситься к ней, но что-то меня останавливает. Кто она? Пленница? Не похоже...

Она захлопывает дверь за собой, прижимается к ней спиной, улыбается. На ней — шорты и майка. Без каблуков, без макияжа.

— Ты жива, — протягивает она.

— Марина? — я приподнимаюсь на кровати. — Что про-

исходит? Где мы? Что за хрень на мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.